

О СУДЕБНЫХ АКТАХ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ, ПЕРЕСМОТРЕННЫХ В 2017 ГОДУ КАССАЦИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с пунктом 2.2 Плана работы Арбитражного суда Волго-Вятского округа на первое полугодие 2018 года отделом анализа и обобщения судебной практики и обеспечения судопроизводства Арбитражного суда Волго-Вятского округа проанализированы причины пересмотра судебных актов Арбитражного суда Волго-Вятского округа кассацией Верховного Суда Российской Федерации в 2017 году.

За 2017 год кассационной инстанцией Верховного Суда Российской Федерации пересмотрено семнадцать постановлений Арбитражного суда Волго-Вятского округа, или 0,3 процента от общего количества рассмотренных дел. По сравнению с аналогичным периодом 2016 года данный показатель незначительно увеличился (отменено 11 постановлений округа, или 0,2 процента).

Исследование пересмотренных дел показало, что в шести случаях судебные акты отменены, дела направлены на новое рассмотрение, по трем делам оставлен в силе один из ранее принятых судебных актов, и по восьми делам принят новый судебный акт.

В 2017 году по первому судебному составу отменены восемь постановлений (в аналогичном периоде 2016 года – два постановления); по второму судебному составу отменены пять постановлений (в аналогичном периоде 2016 года – четыре постановления); по третьему составу пересмотру подверглись три постановления (в 2016 году – одно постановление); по четвертому составу отменено одно постановление (в аналогичном периоде прошлого года – 3 постановления).

Совмещение специальных налоговых режимов (упрощенной и патентной систем налогообложения) допускается Налоговым кодексом Российской Федерации, а утрата права на применение патентной системы не влечет утрату права на применении упрощенной системы налогообложения.

По результатам камеральной налоговой проверки, проведенной в отношении представленной индивидуальным предпринимателем (далее – Предприниматель, налогоплательщик) налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) инспекцией Федеральной налоговой службы (далее – Инспекция) принято решение о привлечении его к ответственности за совершение налогового правонарушения по следующим основаниям.

С 01.01.2013 Предприниматель применял упрощенную систему налогообложения, а с 01.01.2014 в отношении некоторых операций он также стал применять патентную систему налогообложения, при этом общая стоимость патента подлежала уплате двумя платежами в установленные сроки.

Поскольку второй из указанных платежей уплачен не был, на основании пункта 6 статьи 346.45 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс) Инспекция пришла к выводу об утрате Предпринимателем права на применение патентной системы налогообложения и возникновении у него после 01.01.2014 обязанности по уплате налогов, предусмотренных общей системой налогообложения, в частности НДФЛ. В связи с этим полученный Предпринимателем доход от деятельности, в отношении которой им ранее был получен патент, был включен в налоговую базу по НДФЛ.

Полагая, что решение налогового органа является неправомерным, налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании данного решения недействительным.

Суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя требования Предпринимателя, установили, что спорные суммы дохода от сдачи имущества в аренду были учтены Предпринимателем при исчислении и уплате налога, взимаемого по упрощенной системе налогообложения. Приняв во внимание то, что совмещение специальных налоговых режимов (упрощенной и патентной систем налогообложения) допускается Налоговым кодексом, а утрата права на применение патентной системы не влечет потерю права на применение упрощенной системы налогообложения, суды пришли к выводам о правомерности действий Предпринимателя и необоснованности доначислений, произведенных инспекцией.

Арбитражный суд округа отменил состоявшиеся по делу судебные акты, указав, что в соответствии с пунктом 6 статьи 346.45 Налогового кодекса налогоплательщик, утративший право на применение патентной системы налогообложения, считается перешедшим на общий режим налогообложения с начала налогового периода, на который ему был выдан патент. По мнению суда кассационной инстанции, данная норма является специальной и не затрагивает право налогоплательщика на применение упрощенной системы налогообложения в отношении иной осуществляемой им деятельности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации не может согласиться с принятым судом округа постановлением по следующим основаниям.

В силу пункта 7 статьи 12 Налогового кодекса данным кодексом могут устанавливаться специальные налоговые режимы. Упрощенная система налогообложения, равно как и патентная система налогообложения, являются специальными режимами налогообложения и предусматривают освобождение применяющих их лиц от уплаты ряда налогов по общей системе налогообложения. При этом согласно пункту 1 статьи 346.11 Налогового кодекса упрощенная система налогообложения применяется наряду с иными режимами налогообложения, а патентная система налогообложения в силу пункта 2 статьи 346.43 Налогового кодекса применяется в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности. Пунктом 4 статьи 346.13 Налогового кодекса установлено, что в случае одновременного применения упрощенной и патентной систем налогообложения доходы, полученные от деятельности, в отношении которой налогоплательщиком был получен патент, суммируются с остальными полученными им доходами для целей определения суммового порога, необходимого для сохранения права на применение упрощенной системы налогообложения. Таким образом, взаимосвязанные положения глав 26.2 и 26.5 Налогового кодекса позволяют сделать вывод о том, что упрощенная система налогообложения в случае ее применения Предпринимателем является общей по отношению к патентной системе налогообложения, в рамках которой осуществляется налогообложение доходов лишь по отдельным видам деятельности налогоплательщика. При этом глава 26.5 «Патентная система налогообложения» Налогового кодекса не содержит нормы, в силу которой утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения влекла бы одновременную потерю им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы налогообложения. Поскольку, как установили суды первой и апелляционной инстанций, упрощенная система налогообложения применялась Предпринимателем в 2014 году, общая сумма полученных им доходов не превысила пороговое значение,

установленное пунктом 4 статьи 346.13 Налогового кодекса, на основании пункта 1 статьи 346.14 и пункта 1 статьи 346.17 Налогового кодекса при утрате права на применение патентной системы налогообложения Предприниматель правомерно учел все полученные им доходы при исчислении налога, уплачиваемого по упрощенной системе налогообложения.

Постановление суда кассационной инстанции подлежит отмене, как принятое с существенными нарушениями норм материального права, а решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции – оставлению в силе (дело № А38-7494/2015).

В случае прекращения платежей по векселю, даже если это обстоятельство не было установлено судом, или в случае безрезультатного обращения взыскания на имущество должника векселедержатель может обратить свой иск против индоссантов, векселедателя и других обязанных по векселю лиц раньше, чем наступил срок платежа.

Пенсионный фонд (далее – Фонд, истец) обратился в арбитражный суд с иском к Обществу-1 (далее – ответчик) о взыскании вексельного долга.

В обоснование требования истец сослался на то, что Общество-2, правопреемником которого является ответчик, обещало безусловно уплатить непосредственно Обществу-3 или по его приказу любому другому лицу указанные в векселях денежные средства по их предъявлению.

Путем нанесения Обществом-3 передаточной надписи «Без оборота на меня» на обратной стороне каждого векселя названные ценные бумаги были переданы истцу посредством бланкового индоссамента.

Обратившись с иском в суд, Фонд указал на то, что ответчик обязан произвести оплату как по простому векселю, срок платежа по которому наступил, так и по простым векселям, по которым не наступили сроки платежей, в связи с возникновением у Фонда права требовать от Общества-1 досрочного исполнения вексельного обязательства ввиду прекращения им платежей (пункт 2 статьи 43 Положения о переводном и простом векселе, утвержденного постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 (далее – Положение). При этом истец сослался на то, что вступившим в законную силу решением суда с ответчика был взыскан вексельный долг по векселю со сроком платежа 18.02.2014, по которому задолженность не погашена ответчиком до настоящего времени.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции и постановлением суда округа, иск удовлетворен частично. С Общества-1 в пользу Фонда взыскана задолженность по одному простому векселю (с наступившим сроком платежа) из шести. В остальной части в иске отказано.

При этом, отказывая в удовлетворении требований о погашении вексельного долга на оставшуюся сумму досрочно по простым векселям, суды исходили из того, что пункт 2 статьи 43 Положения не может быть применен к возникшим правоотношениям по простым векселям, а обстоятельства, предусмотренные подпунктом 3 статьи 43 Положения, материалами дела не подтверждаются.

В частности, суды указали на то, что материалами дела не подтверждается факт признания ответчика в установленном порядке несостоятельным (банкротом).

Кроме того, суд кассационной инстанции посчитал, что действие пункта 2 статьи 43 Положения распространяется только на переводной вексель и он не применим к отношениям по простому векселю.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что судебные акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене по следующим основаниям.

При рассмотрении дела судебной коллегией Фонд указал на то, что вопреки выводам судов всех инстанций об отсутствии в материалах дела доказательств признания Общества-1 несостоятельным (банкротом), повлекшего частичный отказ в иске, заявитель не обосновывал свои требования пунктом 3 статьи 43 Положения.

Требование истца о досрочном исполнении вексельного обязательства основано на пункте 2 статьи 43 Положения, содержащем условия, при которых векселедержатель может обратить свой иск против индоссантов, векселедателя и других обязанных по векселю лиц раньше наступления срока платежа, в том числе в случае прекращения ими платежей, даже если это обстоятельство не было установлено судом, или в случае безрезультатного обращения взыскания на их имущество.

При этом следует учитывать, что несостоятельность плательщика или векселедателя, являющихся юридическими лицами по российскому праву, имеет место исключительно в случаях вынесения арбитражным судом решения о признании названных лиц банкротами в порядке, предусмотренном статьей 143 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

Под прекращением платежей плательщиком следует понимать нарушение им каких-либо своих денежных обязательств, иных, чем те, которые вытекают из спорного векселя, как перед векселедержателем, так и перед другими кредиторами. Данное обстоятельство должно быть доказано векселедержателем, обращающимся с иском к обязанным по векселям лицам, до наступления срока платежа.

Безрезультатность обращения взыскания на имущество плательщика может подтверждаться определением суда о прекращении исполнительного производства по требованию любого кредитора плательщика на основании подпункта 4 статьи 23 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» либо постановлением судебного пристава-исполнителя о возвращении исполнительного документа по основаниям, предусмотренным подпунктом 4 пункта 1 статьи 26 данного закона.

Таким образом, пункт 2 статьи 43 Положения предусматривает три различных и самостоятельных ситуации, в которых векселедержатель вправе реализовать свое право на досрочный платеж по векселю.

Норма пункта 2 статьи 43 Положения, предусматривающая возможность взыскания денежных средств по векселю до наступления срока платежа в случае несостоятельности плательщика не может применяться к отношениям по простому векселю, поскольку содержит указание на акцепт (неакцепт) ценной бумаги таким плательщиком, и, следовательно, ее действие распространяется лишь на отношения по переводному векселю. Простой вексель содержит простое и ничем не обусловленное обещание уплатить определенную сумму, поэтому его предоставление плательщику для акцепта не предусмотрено. Прекращение платежей и (или) безрезультатное обращение взыскания на имущество плательщика не являются несовместимыми с природой простого векселя.

Как уже было указано, истец, обратившись в суд с иском, указывал на то, что основаниями для предъявления требования о досрочной оплате векселей являлись прекращение ответчиком платежей, установленное вступившим в законную силу решением суда, и безрезультатность обращения взыскания на имущество должника, подтвержденная материалами исполнительного производства.

Суды не исследовали и не оценили доводы, приведенные истцом в обоснование своих требований в той части, в которой в удовлетворении иска было отказано, рассмотрели спор без учета особенностей регулирования отношений по простому векселю и при новом рассмотрении дела должны правильно применить соответствующие нормы. Таким образом, дело подлежит направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции (дело № А17-2681/2015).

Кредитор, являющийся одновременно взыскателем по исполнительному листу о наложении ареста на имущество, принадлежащее должнику, не имеет привилегированного положения по отношению к другим кредиторам должника и не может быть признан залоговым кредитором.

В рамках дела о банкротстве Общества-1 (далее – должник) в период процедуры наблюдения, Общество-2 обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении его требования в реестр требований кредиторов должника.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражного суда апелляционной инстанции и суда округа, требование признано обоснованным: требование в размере 14 143 222 рублей 83 копеек включено в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь, как требование по основному долгу, обеспеченное залогом имущества должника; требование в размере 845 625 рублей включено в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь, как требование, подлежащее отдельному учету и удовлетворению после погашения основной суммы задолженности.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения Общества-3 в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что принятые судебные акты подлежат отмене в части по следующим основаниям.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, спорное требование Общества-2 основано на частично неисполненном должником решении арбитражного суда по делу № А11-10247/2014, которым с Общества-1 в пользу Общества-2 взыскано 15 947 579 рублей 85 копеек.

В рамках указанного дела арбитражный суд по заявлению Общества-2 принял обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество Общества-1, установив его общую стоимость (15 391 875 рублей).

Во исполнение данного определения судебный пристав-исполнитель вынес постановление о наложении ареста на конкретное имущество, принадлежащее должнику, о чем в установленные сроки были составлены акты о наложении ареста на имущество, принадлежащее Обществу-1.

Решение по делу № А11-10247/2014 о взыскании задолженности вступило в законную силу 09.06.2015.

Заявление о признании должника банкротом принято судом к производству 11.09.2015, процедура наблюдения в отношении Общества-1 введена 07.10.2015.

Признав за Обществом-2 в рамках дела о банкротстве должника статус залогового кредитора, суды сочли, что залог возник в силу пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) со дня вступления в законную силу решения арбитражного суда по делу № А11-10247/2014. При этом обстоятельства, с которыми действующее законодательство связывает возможность прекращения залога (статья 352 Гражданского кодекса), не наступили. Ссылки Общества-3 на постановление судебного пристава-исполнителя от

11.11.2015 о снятии ареста с имущества Общества-1 в связи с введением в отношении него процедуры наблюдения отклонены судами, как не имеющие правового значения для разрешения спора.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (статья 174.1 Кодекса), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены.

Неотъемлемой частью приведенной нормы является отсылка при определении лиц, обладающих правами залогодержателя, к статье 174.1 Гражданского кодекса, пункт 2 которой регулирует последствия совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено в судебном или ином установленном законом порядке в интересах кредитора. В соответствии с ранее действовавшим законодательством в ситуации, когда должник в нарушение условий ареста, наложенного на его имущество в пользу кредитора, отчуждал арестованное имущество третьему лицу, защита прав такого кредитора обеспечивалась посредством признания недействительной сделки по распоряжению имуществом и применением последствий ее недействительности. Согласно действующим положениям пункта 2 статьи 174.1 Гражданского кодекса соответствующая сделка действительна, что позволяет арестованному имуществу находиться в обороте. Поэтому наделение кредитора правами залогодержателя по правилам пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса обусловлено необходимостью защиты его прав, прежде всего путем предоставления кредитору возможности обратиться с иском на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало или должно было знать о запрете.

При этом в пункте 5 статьи 334 Гражданского кодекса законодатель приравнивал права взыскателя к правам залогодержателя, не указав на то, что в связи с введением запрета на распоряжение имуществом возникает полноценный залог. Более того, как следует из указанной нормы при буквальном ее истолковании, правила о возникновении прав залогодержателя действуют, если иное не вытекает из существа отношений залога.

Судебная коллегия считает, что иное (отсутствие прав залогодержателя) вытекает из существа отношений залога в ситуации несостоятельности (банкротства) должника.

Так, в силу предусмотренного Законом о банкротстве (статьи 2, 18.1, 138 закона) регулирования преимущественно по отношению к другим кредиторам в деле о несостоятельности обладают кредиторами, обязательства должника перед которыми обеспечены залогом. По смыслу названных статей при недостаточности имущества для распределения между всеми кредиторами должника подобный приоритет возникает при ординарном залоге – залоге на основании договора либо закона (пункт 1 статьи 334.1 Гражданского кодекса). Права залогодержателя, указанные в пункте 5 статьи 334 Гражданского кодекса, возникают в большей части из процессуальных правоотношений (в том числе вследствие принятия судом обеспечительных мер), при наличии широкого усмотрения со стороны государственного органа как в вопросе об определении имущества, в отношении которого может быть наложен запрет, так и в вопросе о том, имеются ли основания для введения запрета, определенные правовым актом, регулирующим процедуру ареста. Эти права могут быть реализованы лишь после вступления в силу решения, которым удовлетворены требования, обеспеченные запретом. Названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения

обязательства как такового, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности, и они действуют в рамках общих правил исполнения.

Порядок исполнения актов о взыскании задолженности с несостоятельного должника определен нормами законодательства о банкротстве, которые являются специальными по отношению к общим правилам исполнения актов. Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест. Таким образом, запрет на распоряжение имуществом не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства.

Таким образом, судам следовало отказать Обществу-2 в признании его залогодержателем для целей включения требования в размере задолженности в реестр требований кредиторов.

Учитывая изложенное, определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа следует отменить в части, касающейся признания требования Общества-2 обеспеченным залогом имущества должника. В отмененной части в удовлетворении требования Общества-2 следует отказать (дело № А11-9381/2015).

Сделки, воля сторон по которым направлена на отчуждение здания, строения, сооружения без соответствующего земельного участка или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты принадлежат на праве собственности одному лицу, являются ничтожными.

Общество (продавец), являющееся собственником нежилых зданий – торгового павильона и ресторана, – а также земельного участка, на котором находятся указанные строения, заключило с предпринимателями А. и З. (покупатели) договор купли-продажи недвижимого имущества, предметом которого явились нежилое здание торгового павильона и здание ресторана.

Договором предусмотрено, что «в результате заключения названной сделки у покупателей возникают по 1/2 доли в праве собственности на объекты».

Предприниматели А. и З. обратились в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление) с заявлениями о государственной регистрации перехода права собственности на указанные объекты недвижимости.

Управление 29.05.2013 приостановило регистрационные действия в связи с отсутствием заявления о государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок и непредставлением документов, необходимых для совершения этого регистрационного действия.

Предприниматели А. и З. 28.06.2013, 09.07.2013 подали заявления о прекращении государственной регистрации и возврате ранее представленных документов без проведения в отношении здания государственной регистрации.

Управление 10.03.2013 прекратило государственную регистрацию.

В отношении торгового здания Управление 01.07.2013 приняло решение об отказе в государственной регистрации права общей долевой собственности на объект недвижимости в связи с отсутствием документов и заявления о государственной регистрации права собственности на земельный участок.

Предприниматель А. 13.02.2014 обратился в Управление с заявлением о государственной регистрации перехода права собственности на долю в размере 1/2 в праве собственности на торговое здание и здание ресторана, приложив к данному заявлению доверенность, договор купли-продажи, протокол общего собрания участников Общества, квитанцию, а также направил Обществу требование о необходимости обращения в Управление с заявлениями о регистрации перехода доли в размере 1/2 в праве собственности на торговое здание и здание ресторана.

Управление 26.02.2014 приостановило государственную регистрацию перехода права собственности в связи с отсутствием заявления продавца и заявления о переходе права собственности на земельный участок, занятый объектами недвижимости, о чем уведомило предпринимателя А.

Предприниматель А. обратился в арбитражный суд к Обществу с требованием об обязанности передать Предпринимателю А. долю в праве собственности в размере 1/2 на здания торгового павильона и ресторана; просил вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности на указанные здания в связи с уклонением Общества от регистрации.

Отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции пришел к выводам о недействительности спорной сделки ввиду продажи зданий без принадлежащего продавцу земельного участка и об отсутствии у продавца воли на продажу доли в праве собственности на неделимые объекты недвижимости и, следовательно, правовых оснований для регистрации права долевой собственности за истцом.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил иск, констатируя действительность указанного договора купли-продажи, надлежащее исполнение предпринимателем А. своих обязательств и уклонение Общества от регистрации перехода к истцу права на соответствующую долю в праве собственности.

Выводы судов апелляционной и кассационной инстанций Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации признает ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации отчуждение здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, за исключением случаев:

- 1) отчуждения части здания, строения, сооружения, которая не может быть выделена в натуре вместе с частью земельного участка;
- 2) отчуждения здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке, изъятом из оборота в соответствии со статьей 27 настоящего Кодекса.

Отчуждение здания, сооружения, находящихся на ограниченном в обороте земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, если федеральным законом разрешено предоставить такой земельный участок в собственность граждан и юридических лиц.

Не допускается отчуждение земельного участка без находящегося на нем здания, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу.

Отчуждение доли в праве собственности на здание, строение, сооружение, находящемся на земельном участке, принадлежащем на праве собственности нескольким лицам, влечет за собой отчуждение доли в праве собственности на земельный участок, размер которой пропорционален доле в праве собственности на здание, строение, сооружение.

Как разъяснено в пункте 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства», сделки, воля сторон по которым направлена на отчуждение здания, строения, сооружения без соответствующего земельного участка или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты принадлежат на праве собственности одному лицу, являются ничтожными.

Между тем, как верно указал суд первой инстанции, предметом продажи по вышеназванному договору купли-продажи являются два объекта недвижимости: торговый павильон и здание ресторана. В предмет договора купли-продажи не включено условие о продаже вместе с объектами недвижимости земельного участка, право собственности на который зарегистрировано за Обществом.

Поскольку в силу статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) здания относятся к объектам, прочно связанным с землей, продажа их без земельного участка противоречит гражданскому и земельному законодательству. Следовательно, указанный договор купли-продажи является применительно к статье 168 Гражданского кодекса недействительной (ничтожной) сделкой, которая не может порождать каких-либо прав и обязанностей ее участников, за исключением тех, которые связаны с её недействительностью.

Кроме того, арбитражный суд первой инстанции правомерно указал, что стороны не согласовали в договоре либо иным образом не выразили свою волю на поступление имущества в долевую собственность Общества и предпринимателя А., поскольку на основании договора после государственной регистрации перехода права собственности могло возникнуть право общей долевой собственности только покупателей – предпринимателей А. и З.

Статьей 25.5 Закона о государственной регистрации установлено, что при государственной регистрации перехода права собственности на здание, строение, сооружение или другое недвижимое имущество одновременно проводится государственная регистрация перехода права собственности на земельный участок, занятым таким недвижимым имуществом и принадлежавший собственнику такого недвижимого имущества на праве собственности.

Земельный участок, принадлежащий на праве собственности Обществу, не отчуждался вместе с расположенными на нем объектами недвижимости.

С учетом приведенных обстоятельств и указанных норм права суд первой инстанции правомерно отказал в удовлетворении требований истца.

Постановления апелляционного суда и суда округа приняты с существенными нарушениями норм материального права и подлежат отмене с оставлением в силе решения суда первой инстанции (дело № А38-3075/2014).

Требование о взыскании неустоек, как обеспеченное залогом имущества должника, имеет залоговое преимущество перед удовлетворением необеспеченных требований кредиторов по санкциям и должно учитываться отдельно в реестре требований кредиторов, подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов по требованиям всех кредиторов третьей очереди, включая незалоговых.

Банк и Общество (заемщик) заключили кредитный договор.

За несвоевременное перечисление заемщиком платежа в погашение кредита, процентов и иных платежей кредитным договором установлено взыскание неустойки.

Исполнение обязательств по возврату кредита обеспечивалось залогом нежилого помещения и земельного участка (договор ипотеки, заключенный между

теми же лицами). Условиями договора ипотеки предусмотрена ответственность заемщика в виде уплаты неустоек за различные нарушения его обязательств, вытекающих из договора. Обязательства по уплате этих неустоек обеспечивались залогом того же имущества.

По договору цессии Банк уступил Предпринимателю все права (требования) к Обществу, вытекающие из кредитного договора.

Определением арбитражного суда в отношении Общества введена процедура наблюдения; решением того же суда Общество признано банкротом, в отношении него введено конкурсное производство.

Впоследствии Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требований в размере задолженности, процентов и неустоек, как обеспеченных залогом имущества должника. Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями апелляционного и окружного судов, заявление удовлетворено частично: в реестр требований кредиторов должника в составе третьей очереди включены требования заявителя в размере 2 256 810,89 рубля, в том числе: 976 808,06 рубля основного долга; 99 350,82 рубля процентов за пользование кредитом; 1 180 652,01 рубля неустоек.

Требования в размере 1 076 158,88 рубля, составляющие сумму основного долга и процентов за пользование кредитом, признаны обеспеченными залогом имущества должника. В удовлетворении остальной части заявления отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления в части признания требования о взыскании неустоек, как обеспеченного залогом имущества должника, суды исходили из того, что требование о взыскании неустойки не обладает преимуществом перед незалоговыми требованиями об уплате основного долга и процентов.

Выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации признает ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 1 статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) в случае неисполнения должником обязательства, обеспеченного залогом, кредитор вправе получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя.

По общему правилу залог обеспечивает требование в том объеме, в каком это требование было заявлено к моменту удовлетворения, в том числе неустойку (статья 337 Гражданского кодекса). Из пункта 4 статьи 134 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) следует, что в случае банкротства заемщика по кредитному договору требования кредитора по этому договору включаются в третью очередь реестра требований кредиторов. При этом требование по взысканию неустоек учитывается отдельно в реестре требований кредиторов и подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов.

Если требования конкурсного кредитора по кредитному договору обеспечены залогом имущества должника, то они погашаются в порядке, установленном пунктами 2, 2.1 статьи 138 Закона о банкротстве: на погашение требований указанного конкурсного кредитора направляется 80 процентов из средств, вырученных от реализации предмета залога, но не более чем основная сумма задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов. Кроме того, требования залогового кредитора погашаются за счет денежных средств, оставшихся

на специальном банковском счете после погашения требований кредиторов первой и второй очереди.

Ни законом, ни кредитным договором не предусмотрено, что в случае банкротства заемщика залог в отношении требований по взысканию неустоек, возникших в связи с неисполнением обеспеченного залогом обязательства, прекращается. Данные требования подлежат удовлетворению в очередности, установленной в пункте 3 статьи 137 Закона о банкротстве (пункт 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» (далее – постановление № 58)).

Таким образом, требование о взыскании неустоек, как обеспеченное залогом имущества должника, должно учитываться отдельно в реестре требований кредиторов, подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов по требованиям всех кредиторов третьей очереди, включая незалоговых, однако оно имеет залоговое преимущество перед удовлетворением необеспеченных требований кредиторов по санкциям. Следовательно, требование Предпринимателя о взыскании неустоек подлежит отнесению к обеспеченным залогом требованиям, подлежащим удовлетворению после погашения требований кредиторов третьей очереди по основному долгу и процентам.

Выводы судов об обратном привели к необоснованному приравниванию требований кредиторов по финансовым санкциям как обеспеченных, так и необеспеченных залогом, что противоречит сути залоговых правоотношений.

Таким образом, судебные акты, принятые нижестоящими судами, в части установления статуса Предпринимателя как залогового кредитора подлежат изменению: в качестве обязательств, обеспеченных залогом имущества должника, признаются как требования о взыскании основного долга и процентов, так и требования о взыскании неустоек (дело № А79-7479/2014).

Доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего НДФЛ и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом Российской Федерации правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты НДФЛ.

Выявив у индивидуального предпринимателя недоимку по страховым взносам за 2014 год, управление Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – Пенсионный Фонд) направило в его адрес требование об уплате задолженности по страховым взносам и пеней за указанный период.

Не согласившись с указанным требованием, Предприниматель оспорил его в арбитражный суд.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, Предпринимателю отказано в удовлетворении заявленных требований.

Рассматривая настоящий спор, суды установили, что в спорный период на основании пункта 2 части 1 статьи 5 Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ) Предприниматель являлся плательщиком страховых взносов, уплачивающим налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ), и не производил в 2014 году выплат и иных вознаграждений физическим лицам.

В соответствии с частью 1 статьи 14 Закона № 212-ФЗ плательщики страховых взносов, указанные в пункте 2 части 1 статьи 5 настоящего Федерального закона, уплачивают соответствующие страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования в фиксированных размерах, определяемых в соответствии с частями 1.1 и 1.2 настоящей статьи.

Согласно пункту 1 части 8 статьи 14 Закона № 212-ФЗ в целях применения положений части 1.1 настоящей статьи, устанавливающей порядок определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате плательщиками страховых взносов, не производящими выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, доход для плательщиков страховых взносов, уплачивающих НДФЛ, учитывается в соответствии со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс).

Подпункт 1 пункта 1 статьи 227 Налогового кодекса предусматривает, что физические лица, зарегистрированные в установленном действующим законодательством порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, производят исчисление и уплату НДФЛ по суммам доходов, полученных от осуществления такой деятельности.

Ссылаясь на названные нормы, суды указали, что согласно положениям статьи 14 Закона № 212-ФЗ подлежащие уплате страховые взносы поставлены в зависимость от размера дохода индивидуального предпринимателя и не связаны с порядком определения предпринимателем налоговой базы по НДФЛ.

На основании изложенного суды пришли к выводу об отсутствии правовых оснований для определения размера страховых взносов исходя из дохода, исчисленного в порядке, предусмотренном для определения налоговой базы по НДФЛ на основании статьи 227 Налогового кодекса, с учетом пункта 1 статьи 221 кодекса, и отказали предпринимателю в удовлетворении заявленных требований.

При этом после рассмотрения судами настоящего спора и принятия обжалуемых судебных актов Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 30.11.2016 № 27-П разъяснил, что взаимосвязанные положения пункта 1 части 8 статьи 14 Закона № 212-ФЗ и статьи 227 Налогового кодекса в той мере, в какой на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим НДФЛ и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что для данной цели доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего НДФЛ и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты НДФЛ.

При таких обстоятельствах обжалуемые судебные акты подлежат отмене, а заявленные требования Предпринимателя – удовлетворению (дело № А39-6230/2015).

Введение внешнеэкономических санкций в отношении юридического лица не является основанием для досрочного расторжения договоров в соответствии со статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Общество-1 (арендодатель) и Общество-2 (арендатор) заключили договор аренды нежилого помещения.

Впоследствии условия договора были изменены, в частности в соответствии с одним из дополнительных соглашений в качестве арендатора указан Банк, в качестве арендодателя – Предприниматель; срок действия договора продлен.

В соответствии с приказом Банка был закрыт один из операционных офисов, упомянутый в договоре аренды помещения. На основании указанных обстоятельств Банк предложил Предпринимателю расторгнуть договор аренды.

Ссылаясь на отказ арендодателя от расторжения договора и существенное изменение его условий, Банк обратился в арбитражный суд с указанными требованиями.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен.

Удовлетворяя требования по настоящему делу, судебные инстанции исходили из того, что факт включения Банка в санкционные списки Министерства финансов США, Канады и стран ЕС является исключительным и непредвиденным обстоятельством, выходящим за пределы обычных коммерческих рисков, в связи с чем в процессе действия и исполнения спорной сделки произошло существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при ее заключении.

Введение иностранными государствами экономических санкций в отношении Банка повлекло несение им значительных убытков, что привело к возникновению необходимости закрытия ряда операционных офисов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что принятые судебные акты подлежат отмене с отказом в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 1 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором и не вытекает из его существа. Согласно пункту 2 статьи 451 Гражданского кодекса договор может быть расторгнут судом по требованию заинтересованной стороны в случае существенно изменившихся обстоятельств при наличии одновременно следующих условий:

1) в момент заключения договор стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;

2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;

3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что она вправе рассчитывать при заключении договора;

4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Существенно изменившимися обстоятельствами, послужившими основанием для предъявления требования к Предпринимателю о досрочном расторжении договора аренды, по мнению Банка, являются введение внешнеэкономических санкций, что повлекло ликвидацию Банком структурных подразделений для уменьшения размера расходов.

Выплата арендной платы за указанное помещение, которое не будет использоваться в связи с ликвидацией внутреннего структурного подразделения Банка, ведет к возникновению убытков у арендатора.

Однако указанные обстоятельства не могут быть признаны существенными и образующими необходимую совокупность условий для досрочного расторжения договора аренды по основаниям статьи 451 Гражданского кодекса.

Принимая решение о закрытии операционного офиса, находящегося в спорном помещении, Банк исходил из экономической обоснованности своей деятельности. Предпринимательская деятельность носит рисковый характер, что Банк не мог не учитывать при заключении договора аренды, являясь профессиональным участником рынка финансовых услуг. При должной степени осмотрительности Банк, вступая в договорные отношения по своей инициативе, должен был предусмотреть и возможную экономическую ситуацию.

Исходя из права сторон по собственному усмотрению определять условия договора в соответствии со статьей 421 Гражданского кодекса, Банк не включил в договор условие о досрочном расторжении договора по требованию арендатора в связи с закрытием филиала. Введение внешнеэкономических санкций также не отнесено условиями договора к числу обстоятельств, освобождающих стороны от исполнения обязательств по договору аренды; риск негативных последствий для Банка в результате таких санкций не может быть возложен на арендодателя.

При указанных обстоятельствах судебная коллегия приходит к выводу о том, что оснований для досрочного расторжения договора аренды в соответствии со статьей 451 Гражданского кодекса не имелось.

Принимая во внимание изложенное, судебная коллегия полагает, что обжалуемые акты приняты с нарушением норм материального права, поэтому указанные судебные акты подлежат отмене. Таким образом, в удовлетворении исковых требований должно быть отказано (дело № А39-5782/2015).

Соблюдение интересов конкурсной массы, выразившееся в отказе от реализации имущества с целью получения наибольшего имущественного эффекта, не должно приводить к лишению конкурсного управляющего права на получение процентов по вознаграждению.

В рамках процедуры несостоятельности, осуществляемой в отношении Общества по правилам о банкротстве отсутствующего должника (параграф 2 главы XI Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)), Конкурсным управляющим было обнаружено имущество должника: денежные средства на расчетном счете, а также дебиторская задолженность Завода, погашенная последним в полном объеме.

Полагая, что находившиеся на счете денежные средства и денежные средства, поступившие от Завода в счет оплаты долга, формируют базу для выплаты вознаграждения в соответствии с пунктом 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 21.10.2004 № 573 (далее – Положение № 573)), Конкурсный управляющий перечислил себе вознаграждение за проведение процедуры банкротства.

Считая такое поведение незаконным, представитель Федеральной налоговой службы (далее – Уполномоченный орган) обратился в арбитражный суд с жалобой на действия Конкурсного управляющего и требовал обязать последнего возместить убытки в размере выплаченного вознаграждения.

Удовлетворяя жалобу Уполномоченного органа в части признания неправомерными действий конкурсного управляющего по удержанию и перечислению денежных средств в качестве вознаграждения, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что при буквальном толковании пункта 7 Положения №

573 выплата конкурсному управляющему отсутствующим должником вознаграждения в размере 10 процентов от стоимости имущества должника допускается только в случае реализации данного имущества.

Поскольку в рассматриваемой ситуации Конкурсный управляющий имущество не реализовал, а дебиторскую задолженность Завод погасил добровольно, суды сочли, что действия по удержанию и перечислению вознаграждения совершены Конкурсным управляющим незаконно, в связи с чем удовлетворили требование о возмещении убытков.

Впоследствии с названными выводами согласился суд округа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации полагает выводы нижестоящих судов ошибочными в силу следующего.

Исходя из буквального содержания пункта 7 Положения № 573 условием для получения арбитражным управляющим вознаграждения является не только обнаружение имущества отсутствующего должника, но и его реализация.

Вместе с тем в ряде случаев интересы кредиторов и должника предполагают необходимость отказа от реализации имущества.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий как антикризисный менеджер в силу имеющихся у него полномочий и компетенции должен определить стратегию наиболее эффективного обмена на денежный эквивалент поступившего в конкурсную массу требования к контрагентам должника, решив вопрос о целесообразности реализации этого требования на торгах либо прямого истребования дебиторской задолженности.

Как следует из материалов дела, Конкурсный управляющий в результате подробного анализа движения денежных средств, находящихся на расчетном счете должника, и систематизации его контрагентов выявил дебиторскую задолженность Завода, после чего приступил к осуществлению претензионной работы, итогом которой стало добровольное погашение контрагентом своего долга перед должником.

Судебная коллегия полагает, что такое поведение Конкурсного управляющего является добросовестным и разумным, у него отсутствовала обязанность выставять спорную дебиторскую задолженность на торги.

Вместе с тем соблюдение интересов конкурсной массы, выразившееся в отказе от реализации имущества с целью получения наибольшего имущественного эффекта, не должно приводить к лишению конкурсного управляющего права на получение процентов по вознаграждению.

Учитывая изложенное, обжалуемые судебные акты подлежат отмене в части признания жалобы Уполномоченного органа на действия Конкурсного управляющего обоснованной как принятые с существенным нарушением норм материального права (дело № А11-1426/2015).

Иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

Граждане П. и Ш. являлись участниками Общества, каждому из которых принадлежало по 20 процентов доли уставного капитала Общества. В адрес Общества ими были направлены заявления о выходе из состава его участников, которые получены указанным Обществом. В связи с неисполнением Обществом обязанности по выплате гражданам П. и Ш. действительной стоимости доли, указанные лица обратились в арбитражный суд с требованием о ее взыскании.

Решением арбитражного суда по делу № А28-11132/2014 в пользу каждого из истцов взыскано 101 575 рублей 26 копеек, в том числе по 94 371 рублю действительной стоимости доли и 7204 рубля 26 копеек процентов за пользование чужими денежными средствами. В остальной части в иске отказано.

После принятия указанного решения Общество (продавец) продало по договору купли-продажи третьему лицу (покупатель) за 2 000 000 рублей здание административно-бытового корпуса и здание гаража.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, изменено решение арбитражного суда первой инстанции по делу № А28-11132/2014 и в пользу каждого из истцов взыскано по 3 244 570 рублей действительной стоимости доли и по 145 912 рублей 80 копеек процентов за пользование чужими денежными средствами.

В ходе исполнения вступившего в законную силу судебного акта о взыскании действительной стоимости доли гражданам П. и Ш. стало известно о том, что объекты недвижимости, принадлежавшие Обществу, были отчуждены в пользу третьего лица по заниженной стоимости, в связи с чем истцы обратились в суд с требованием о признании недействительным (ничтожным) договора и применении последствий недействительности сделки в виде взыскания с третьего лица в пользу Общества 14 198 000 рублей.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции и суда округа, требования, заявленные гражданами П. и Ш., удовлетворены частично: признан недействительным договор купли-продажи, заключенный между Обществом и третьим лицом. В удовлетворении требований истцов о взыскании с третьего лица в пользу Общества 14 198 000 рублей отказано по причине того, что применение реституции путем возврата сторон признанной недействительной сделки в первоначальное положение по иску истцов, не являющихся стороной договора, невозможно.

Суды, кроме того, указали на то, что граждане П. и Ш. не представили доказательств невозможности применения установленных в статье 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) последствий недействительности сделки в виде возврата всего полученного по ней в связи с отчуждением Предпринимателем объектов недвижимого имущества.

Также суды сочли невозможным защиту прав заявителей путем удовлетворения их искового заявления, поскольку требования граждан П. и Ш. направлены на обеспечение исполнения ранее принятых судебных актов по их искам.

Вместе с тем судами не учтено следующее.

Положениями статьи 1 Гражданского кодекса предусмотрено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, а также что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В соответствии с абзацем 1 пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса установлено, что в случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного

злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Согласно пункту 1 статьи 168 Гражданского кодекса сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

В соответствии с пунктом 2 статьи 168 Гражданского кодекса, если из закона не следует иное, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна.

Злоупотребление правом при совершении сделки нарушает запрет, установленный статьей 10 Гражданского кодекса, поэтому такая сделка признается недействительной на основании статей 10 и 168 этого кодекса.

Признавая недействительным (ничтожным) договор купли-продажи упомянутого имущества, суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной инстанции и округа, обоснованно исходил из того, что оспариваемая истцами сделка совершена с нарушением установленного законом запрета на злоупотребление правом, поскольку в результате Обществом произведено отчуждение всего недвижимого имущества, что повлекло нарушение прав и охраняемых законом интересов граждан П. и Ш., выразившееся в невозможности исполнения постановления суда о взыскании в пользу истцов действительной стоимости доли.

В соответствии с пунктом 2 статьи 167 Гражданского кодекса при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

В пункте 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 25) разъяснено судам, что согласно абзацу первому пункта 3 статьи 166 Гражданского кодекса требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо.

Исходя из системного толкования пункта 1 статьи 1, пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 Гражданского кодекса иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

Истцы, обратившись в суд с требованиями о признании недействительным вышеупомянутого договора купли-продажи и о применении последствий недействительности сделки, указали то право (законный интерес), защита которого будет обеспечена в результате возврата каждой из сторон всего полученного по сделке, а именно: возможность исполнения вступившего в законную силу судебного акта о взыскании в их пользу действительной стоимости доли.

В результате отказа суда в применении последствий признанной им недействительной (ничтожной) сделки не была обеспечена защита истцов и их нарушенное право не оказалось восстановленным.

Суды установили, что приобретенное недвижимое имущество третье лицо-1 (продавец) продало третьему лицу-2 (покупатель), в связи с чем возврат его Обществу в натуре посредством удовлетворения реституционного требования невозможен, что в силу пункта 2 статьи 167 Гражданского кодекса предполагает возможность возмещения стоимости такого имущества.

Как разъяснено в пункте 80 постановления № 25 взаимные предоставления по недействительной сделке, которая была исполнена обеими сторонами, считаются равными, пока не доказано иное.

По смыслу приведенных разъяснений указанная презумпция опровержима.

Суд на основании оценки представленных доказательств в их совокупности пришел к выводу о том, что стоимость отчужденных объектов недвижимого имущества не соответствовала их рыночной стоимости, в связи с чем исключается возможность применения к спорным отношениям презумпции о равенстве взаимных предоставлений.

Учитывая изложенное, обжалуемые судебные акты подлежат отмене в части требований истцов о взыскании с третьего лица-1 в пользу Общества денежных средств с направлением спора в названной части на новое рассмотрение. При новом рассмотрении суду необходимо установить рыночную стоимость спорного недвижимого имущества, с учетом полученной обществом от покупателя суммы по признанной судом недействительной (ничтожной) сделки, определить разницу между рыночной стоимостью и ценой продажи недвижимого имущества, подлежащей взысканию с ответчика (дело № А28-12640/2015).

Срок исковой давности по делам о выплате страхового возмещения при столкновении судов исчисляется с момента столкновения судов и составляет два года.

18.08.2010 произошло столкновение состава с буксиром-толкачом (судовладелец – Общество-1) и пассажирского теплохода (судовладелец – Общество-2). В результате столкновения оба судна получили механические повреждения.

Постановлением арбитражного апелляционного суда по делу № А82-441/2011 ответственность за убытки распределена между Обществом-1 и Обществом-2 поровну.

Общество-2 (судовладелец) и Компания-1, фрахтователь, заключили договор чартера (фрахтования) теплохода, по условиям которого фрахтователь обеспечивает страхование гражданской ответственности, а также страхование корпуса и машин судна страхователем или страхователями по собственному выбору (при условии предварительного одобрения судовладельца) и за собственный счет для покрытия ответственности фрахтователя и судовладельца.

В целях выполнения условий данного договора гражданская ответственность Компании-1 (фрахтователя судна) застрахована в клубе взаимного страхования. Возможные повреждения корпуса и механизмов судна застрахованы у пяти перестраховщиков с различной долей ответственности.

Лидер договора перестрахования признал столкновение судов страховым случаем и осуществил расчет страховой выплаты, причитающейся выгодоприобретателю. Страховой брокер – Компания-2, осуществляющая деятельность в соответствии с английским законодательством, при урегулировании убытков, образовавшихся в результате столкновения судов, произвел выплату собранных от состраховщиков денежных средств выгодоприобретателю (фрахтователю). При этом состраховщиками были выплачены соответствующие долям ответственности денежные суммы.

Посчитав, что ответчик обязан возместить причиненный вред в соответствии с установленной степенью вины, состраховщики обратились с исками в арбитражный суд.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении исков отказано.

Постановлением арбитражного суда округа указанные судебные акты отменены и дело направлено на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции.

Решением арбитражного суда исковые требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Арбитражный суд округа постановлением указанные судебные акты оставил без изменения.

Удовлетворяя иски, суды исходили из того, что к страховым компаниям, возместившим ущерб выгодоприобретателю, перешло в пределах выплаченных сумм право требования к лицу, ответственному за убытки, на основании статей 15, 965, 1064, 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс).

Обществом было заявлено о пропуске двухгодичного срока исковой давности, установленного статьей 164 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ РФ).

Отклоняя довод ответчика о пропуске срока исковой давности, суды сделали вывод о том, что в соответствии с положениями статьи 200 Гражданского кодекса и статьи 43 КВВТ РФ право на предъявление исков к ответчику в порядке суброгации возникло у страховщиков с момента установления постановлением арбитражного апелляционного суда по делу № А82-441/2011 обоюдной вины и равного размера ответственности Общества-1 и Общества-2 за убытки.

Между тем судами не учтено следующее.

В соответствии со статьей 196 Гражданского кодекса общий срок исковой давности установлен в три года. Для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком (часть 1 статьи 197 этого кодекса).

В соответствии с частью 1 статьи 200 Гражданского кодекса (в редакции, действовавшей в спорный период) течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Изъятия из этого правила устанавливаются Кодексом и иными законами.

Согласно части 5 статьи 164 КВВТ РФ иски по требованиям, возникающим в связи со столкновением судов и с осуществлением спасательной операции, могут быть предъявлены в течение двух лет. Течение срока исковой давности начинается со дня наступления события, послужившего основанием предъявления претензии (часть 2 статьи 164 КВВТ РФ).

Как установлено судами, столкновение судов произошло 18.08.2010, в результате столкновения оба судна получили механические повреждения, то есть именно 18.08.2010 наступил страховой случай, и в этот же момент возникло право требовать возмещения причиненного ущерба.

Перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления (статья 201 Гражданского кодекса). В связи с этим срок исковой давности для страховщика, выплатившего страховое возмещение, также исчисляется с момента столкновения судов.

Довод истцов о том, что положения статьи 164 КВВТ РФ об исковой давности и иные положения этого кодекса не подлежат применению, поскольку не регулируют

отношения между грузоперевозчиком и иностранными страховыми компаниями, является необоснованным.

В соответствии с частью 1 статьи 965 Гражданского кодекса, если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования. Перешедшее к страховщику право требования осуществляется им с соблюдением правил, регулирующих отношения между страхователем (выгодоприобретателем) и лицом, ответственным за убытки (часть 2 статьи 965 этого кодекса).

Поскольку право требования возмещения ущерба перешло к состраховщикам в порядке суброгации, а при суброгации не возникает нового обязательства и страховщик заменяет собой страхователя в обязательстве, возникшем из причинения вреда, истцы заменили страхователя в уже возникшем обязательстве, регулируемом положениями КВВТ РФ.

Подлежит отклонению довод истцов о том, что с учетом фактических обстоятельств и положений статьи 43 КВВТ РФ течение срока исковой давности начинается с момента, когда стал известен надлежащий ответчик по иску, а именно с момента установления постановлением арбитражного апелляционного суда от 28.10.2013 по делу № А82-441/2011 обоюдной вины и равного размера ответственности Общества-1 и Общества-2 за причиненные убытки.

Согласно положениям статьи 43 КВВТ РФ в случае, если столкновение судов произошло по вине одного из судов, убытки несет то судно, по чьей вине произошло столкновение. В случае, если столкновение судов произошло по вине двух или более судов, ответственность каждого из них за убытки определяется соразмерно степени вины. В случае, если невозможно установить степень вины каждого из судов, ответственность за убытки распределяется между ними поровну. Ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное.

Участники произошедшего 18.08.2010 столкновения судов были известны изначально. Обоюдная вина в столкновении судов была установлена уже в ходе досудебного расследования и зафиксирована в постановлении от 29.08.2010 по делу об эксплуатационном происшествии.

Данное расследование проведено в соответствии с требованиями статьи 36 КВВТ РФ (действовавшей на момент столкновения судов) и Положением по расследованию, классификации и учету транспортных происшествий на внутренних водных путях Российской Федерации, утвержденным приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 29.12.2003 № 221.

Следовательно, истцы на основании материалов дела об эксплуатационном происшествии, которым была установлена обоюдная вина судов в столкновении, имели возможность обратиться с исками в суд в течение двух лет с момента происшествия.

В рамках дела № А82-441/2011 (по взаимным искам друг к другу Общества-1 и Общества-2 (судовладельцев) о взыскании убытков, причиненных столкновением судов) был установлен размер ответственности. Арбитражный апелляционный суд в постановлении от 28.10.2013 сделал вывод о том, что ответственность за убытки подлежит распределению между участниками спора поровну, поскольку невозможно установить степень вины истца и ответчика. При рассмотрении указанного дела суд исследовал, в том числе, указанное заключение по делу об эксплуатационном происшествии.

Таким образом, учитывая, что столкновение судов произошло 18.08.2010, а с исками в суд состраховщики обратились лишь 01.08.2014, срок исковой давности, о применении которой заявлено ответчиком, ими был пропущен, и у судов отсутствовали основания для удовлетворения заявленных исковых требований в соответствии с положениями статьи 199 Гражданского кодекса.

С учетом изложенного, принятые по делу судебные акты подлежат отмене с отказом в удовлетворении исков страховых компаний к Обществу-1 о взыскании убытков, причиненных столкновением судов (дело № А82-12296/2014).

Неподписание решения, постановления судьей или одним из судей либо подписание решения, постановления не теми судьями, которые указаны в решении, постановлении, является основанием для отмены решения, постановления арбитражного суда в любом случае

Комитет обратился в арбитражный суд с иском к Фонду о взыскании задолженности по арендной плате.

Решением арбитражного суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение было отменено на основании пункта 2 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Арбитражный процессуальный кодекс). Суд апелляционной инстанции рассмотрел дело по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции, и удовлетворил требования Комитета в полном объеме. Арбитражный суд округа постановлением оставил без изменения постановление суда апелляционной инстанции.

Фонд обратился в арбитражный апелляционный суд с заявлением о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам.

Определением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Фонд обратился в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, в которой просит отменить постановление суда кассационной инстанции и направить дело на новое рассмотрение.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации постановление суда округа отменено ввиду следующего.

Согласно резолютивной части постановления арбитражного суда округа от 21.02.2017 дело рассматривалось коллегией судей в составе председательствующего судьи Камановой М.Н., судей Кислицына Е.Г. и Павлова В.Ю.

Однако изготовленное в полном объеме постановление суда округа от 28.02.2017 подписано не судьей Павловым В.Ю., а судьей Голубевой О.Н.

В силу пункта 5 части 4 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса неподписание решения, постановления судьей или одним из судей либо подписание решения, постановления не теми судьями, которые указаны в решении, постановлении, является основанием для отмены решения, постановления арбитражного суда в любом случае.

Приняв во внимание изложенное, судебная коллегия пришла к выводу, что суд кассационной инстанции допустил существенное нарушение норм процессуального права, поэтому на основании пункта 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса обжалуемое постановление суда кассационной инстанции отменено с направлением кассационной жалобы заявителя на новое рассмотрение в суд округа (дело № А43-22208/2015).

Закон, принятый после заключения договора и устанавливающий иные правила, чем те, которые действовали при заключении договора, распространяет

свое действие на отношения сторон по такому договору лишь тогда, когда это прямо установлено в законе.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) определением суда от 25.03.2016 в состав третьей очереди реестра требований кредиторов должника включено требование Банка как обязательство, обеспеченное залогом имущества должника (на основании договора ипотеки от 01.06.2012).

В период с апреля 2015 по июнь 2016 года должник (арендодатель) заключил с третьими лицами (арендаторами) договоры аренды находящегося в залоге у Банка имущества.

Банк направил Конкурсному управляющему должником требование от 19.08.2016 с указанием на необходимость распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника от сдачи в аренду заложенного в его пользу имущества, в порядке, установленном статьей 138 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и пунктом 2 статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс).

Конкурсный управляющий должником представил в суд возражения на данное требование банка.

Указанные разногласия послужили поводом для обращения Банка в арбитражный суд.

Определением суда первой инстанции от 07.12.2016, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, разногласия разрешены: установлено, что денежные средства, поступающие в конкурсную массу должника в виде арендной платы от использования третьими лицами заложенного в пользу Банка имущества должника, с 25.08.2016 подлежат распределению в соответствии с пунктом 2 статьи 334 Гражданского кодекса и статьей 138 Закона о банкротстве, то есть требования Банка подлежат удовлетворению в преимущественном порядке перед требованиями других кредиторов должника.

Разрешая спор, суды нижестоящих инстанций исходили из того, что Закон о банкротстве не содержит норм, устанавливающих порядок распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника от сдачи в аренду заложенного имущества, в связи с чем указали, что в силу пункта 1 статьи 6 Гражданского кодекса к спорным правоотношениям подлежит применению пункт 2 статьи 334 Гражданского кодекса.

Договоры аренды заложенного имущества заключены после вступления в силу пункта 2 статьи 334 Гражданского кодекса в редакции Федерального закона от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее – Закон № 367-ФЗ), поэтому суды пришли к выводу о том, что выручка от аренды предмета залога должна распределяться преимущественно Банку как залоговому кредитору.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно абзацу четвертому пункта 2 статьи 334 Гражданского кодекса залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования также за счет доходов от использования заложенного имущества третьими лицами.

Указанная норма включена в Гражданский кодекс Законом № 367-ФЗ, вступившим в силу с 01.07.2014.

В силу пункта 2 статьи 422 Гражданского кодекса закон, принятый после заключения договора и устанавливающий иные правила, чем те, которые действовали

при заключении договора, распространяет свое действие на отношения сторон по такому договору лишь в случае, если в законе это прямо установлено.

В законе № 367-ФЗ такой оговорки не содержится.

По общему правилу объем залогового права определяется исходя из даты возникновения залога (статья 341 Гражданского кодекса).

Договор ипотеки заключен 01.06.2012, при этом распространение права залога на полученные в результате использования заложенного имущества доходы (абзац второй пункта 1 статьи 340 Гражданского кодекса в редакции действовавшей до вступления в силу Закона № 367-ФЗ) названный договор не предусматривает, что сторонами не оспаривается.

С учетом момента возникновения залоговых правоотношений положения статьи 334 Гражданского кодекса в редакции Закона № 367-ФЗ в данном случае неприменимы, при этом дата заключения договоров аренды заложенного имущества не имеет значения.

Таким образом, разногласия, возникшие между Конкурсным управляющим должником и Банком относительно порядка распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу от сдачи в аренду имущества, находящегося в залоге у Банка, разрешены в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, в частности: денежные средства, поступающие в конкурсную массу должника от сдачи в аренду заложенного в пользу Банка имущества, подлежат распределению в порядке, установленном статьей 134 Закона о банкротстве (дело № А79-8466/2015).

Отклоняя ходатайство о проведении судебной экспертизы ввиду отсутствия необходимости в ее проведении, суд по существу лишает стороны по делу возможности реализации принадлежащих им процессуальных прав и обязанностей по доказыванию своих требований.

Индивидуальный предприниматель К. обратился в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю Х. о расторжении договора купли-продажи недвижимости от 27.03.2015 и обязанности ответчика возвратить шесть объектов недвижимости, полученных по данному договору.

Основанием обращения предпринимателя К. в суд явилось отсутствие со стороны покупателя оплаты приобретенных объектов недвижимости.

При рассмотрении дела в суде первой инстанции ответчик, возражая по иску, ссылаясь на акт приема-передачи от 22.04.2014, подписанный предпринимателем К., в котором указано, что оплата по договору произведена.

Однако вступившие в дело в связи со смертью истца в период рассмотрения дела его правопреемники посчитали, что подпись в указанном акте со стороны продавца выполнена не им, заявили о фальсификации этого доказательства и о необходимости проведения судебно-почерковедческой экспертизы данной подписи.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судебными актами судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в заявлении о фальсификации и исключении акта из числа доказательств, а также в ходатайстве о проведении экспертизы, суд первой инстанции самостоятельно оценил подписи продавца, содержащиеся в договоре купли-продажи и акте приема-передачи, сделал вывод об отсутствии явного несоответствия этих подписей и указал, что «непохожесть» подписей сама по себе не свидетельствует о выполнении их разными людьми.

По результатам такой оценки суд признал акт приема-передачи надлежащим доказательством оплаты ответчиком приобретенных им объектов недвижимости и отказал в иске.

Суды апелляционной и кассационной инстанций признали выводы суда первой инстанции обоснованными.

Однако судами при рассмотрении спора не было учтено следующее.

В силу части 2 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Арбитражный процессуальный кодекс) обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права.

В соответствии с частью 1 статьи 82 Арбитражного процессуального кодекса для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле.

Отклонив ходатайство о проведении судебной экспертизы, как посчитал суд первой инстанции, ввиду того, что не было необходимости в ее проведении, он по существу лишил истцов возможности реализации принадлежащих им процессуальных прав и исполнения обязанностей по доказыванию своих требований.

Разрешение вопроса о подлинности подписи предпринимателя К. в акте приема-передачи с учетом обстоятельств по настоящему делу является важным для его рассмотрения, а суд не обладает специальными познаниями по установлению подлинности подписи, следовательно вывод судов о ее выполнении указанным лицом нельзя признать бесспорным, а принятые на основе такого утверждения судебные акты законными и обоснованными.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации судебные акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций по указанному делу отменены с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (дело № А43-5669/2015).

Получение процентов по вознаграждению временного управляющего определяется в соответствии со статьей 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции, действовавшей на момент утверждения лица арбитражным управляющим.

Определением суда первой инстанции от 02.09.2015 в отношении Общества (далее – должник) введена процедура наблюдения, временным управляющим утвержден П.

Решением суда от 12.04.2016 должник признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим должником утвержден П.

П. обратился в суд с заявлением о взыскании процентов по вознаграждению временного управляющего в размере 475 311 рублей, рассчитанных исходя из балансовой стоимости активов должника по пункту 10 статьи 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Разрешая вопрос о размере процентов по вознаграждению, суды руководствовались положениями Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 391-ФЗ) и указали, что поскольку право временного управляющего требовать установления вознаграждения в виде

процентов возникает только после завершения процедуры наблюдения, для определения размера данных процентов необходимо руководствоваться нормами Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату истечения десятидневного срока с момента окончания процедуры наблюдения.

Посчитав, что такое право возникло у П. после вступления в силу Закона № 391-ФЗ, устанавливающего максимальный размер процентов по вознаграждению временного управляющего в сумме 60 000 рублей, суды частично удовлетворили заявленные требования.

Между тем судами не учтено следующее.

Пунктом 1 статьи 20.3 и пунктом 1 статьи 20.6 Закона о банкротстве арбитражному управляющему гарантировано право на получение вознаграждения в деле о банкротстве, которое состоит из фиксированной суммы и суммы процентов.

Расчет суммы процентов по вознаграждению временного управляющего осуществляется по правилам пункта 10 статьи 20.6 Закона о банкротстве.

С 29.12.2015 Законом № 391-ФЗ в пункт 10 статьи 26 Закона о банкротстве внесены изменения, в том числе изменения, ограничивающие сумму процентов по вознаграждению временного управляющего, – не более 60 000 рублей.

Переходными положениями пункта 9 статьи 23 Закона № 391-ФЗ предусмотрено, что действие пункта 10 статьи 20.6 в редакции Закона № 391-ФЗ распространяются на правоотношения, возникшие со дня вступления в силу названного закона.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в пункте 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве», полномочия временного управляющего и, соответственно, право на получение вознаграждения возникают с даты принятия судебного акта об утверждении лица арбитражным управляющим. В случае объявления отдельно резолютивной части судебного акта о введении процедуры наблюдения и утверждении временного управляющего (часть 2 статьи 176 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) датой возникновения полномочий временного управляющего является дата объявления этой части.

Учитывая изложенное, судебная коллегия считает, что правоотношения между должником и временным управляющим П. возникли с 26.08.2015 (дата принятия резолютивной части судебного акта о введении наблюдения и утверждении временного управляющего).

Дав согласие на утверждение своей кандидатуры и приняв на себя обязанности по проведению предусмотренных процедурой наблюдения мероприятий, П. правомерно рассчитывал на получение процентов по вознаграждению временного управляющего, определяемых в соответствии с положениями статьи 20.6 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на момент его утверждения.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации судебные акты нижестоящих инстанций отменены, как принятые с существенным нарушением норм материального права, обособленный спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции для проверки правильности представленного арбитражным управляющим расчета процентов (дело № А82-7606/2015).

Расходы на оплату услуг лиц, привлекаемых арбитражными управляющими для обеспечения исполнения своей деятельности, возмещаются за счет должника вне очереди, а в случае неисполнения обязательств по оплате

таких услуг взыскание их стоимости осуществляется судом, рассматривающим дело о банкротстве, по правилам статьи 112 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Определением арбитражного суда первой инстанции от 21.04.1995 возбуждено производство по делу о банкротстве Завода (далее – должник) (А11-2797/95).

Определением от 09.03.2009 суд перешел к рассмотрению данного дела по правилам, предусмотренным Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

В процедуре конкурсного производства, открытой определением суда от 28.01.1997, между должником в лице конкурсного управляющего и Обществом заключен договор от 23.04.2002 № 35/2 (далее – договор № 35/2), по условиям которого последний обязался оказать ряд услуг по информационно-методическому и правовому сопровождению процедуры банкротства Завода.

Определением суда от 29.11.2013 по указанному делу утверждено заключенное между должником и его кредиторами мировое соглашение, производство по делу о банкротстве завода прекращено.

Впоследствии определением арбитражного суда первой инстанции от 27.05.2014 по настоящему делу принято заявление Общества о признании Завода несостоятельным (банкротом), определением того же суда от 13.10.2014 в отношении должника введена процедура наблюдения.

Ссылаясь на неисполнение должником обязательств по оплате оказанных в рамках договора № 35/2 услуг за период с апреля 2006 года по апрель 2014 года, Общество обратилось в арбитражный суд.

Разрешая спор, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, признал заявление Общества подлежащим рассмотрению по правилам статьи 112 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в пределах шестимесячного срока со дня вступления в законную силу определения о прекращении производства по предыдущему делу о банкротстве Завода.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из того, что заявление Общества подано за пределами такого срока и не содержало ходатайства о его восстановлении.

Суды также указали на отсутствие надлежащих доказательств оказания должнику предусмотренных договором № 35/2 услуг.

Отменив судебные акты судов нижестоящих инстанций, суд округа со ссылкой на статью 2 Закона о банкротстве не согласился с выводом нижестоящих судов о квалификации заявленного обществом требования в качестве заявления о взыскании расходов по делу о банкротстве, указав на необходимость его рассмотрения в порядке, установленном в статьях 71 и 100 Закона о банкротстве.

Признав заявленное требование обоснованным, суд округа пришел к выводу о том, что представленные обществом документы подтверждают оказание услуг по договору № 35/2, и, соответственно, у должника возникло обязательство по их оплате в заявленном размере.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Арбитражный управляющий для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве вправе привлекать на договорной основе иных лиц с оплатой их деятельности за счет средств должника, если иное не установлено названным законом, стандартами и правилами профессиональной деятельности или соглашением арбитражного управляющего с кредиторами (абзац шестой пункта 1 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

Из пункта 1 статьи 59 Закона о банкротстве и разъяснений, данных в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве», следует, что расходы на оплату услуг лиц, привлекаемых арбитражными управляющими для обеспечения исполнения своей деятельности, возмещаются за счет должника вне очереди. В случае неисполнения обязательств по оплате таких услуг взыскание их стоимости осуществляется судом, рассматривающим дело о банкротстве, по правилам статьи 112 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (пункт 52 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что предусмотренные договором № 35/2 услуги по сути направлены на поиск, выявление и возврат имущества завода, находящегося у третьих лиц, то есть на обеспечение деятельности арбитражного управляющего должником (пункт 2 статьи 129 Закона о банкротстве).

Учитывая названные положения закона и условия спорного договора, суды правильно определили статус Общества и его требование в качестве заявления о взыскании расходов за период с апреля 2006 года до 29.11.2013 (прекращение производства по делу о банкротстве).

Приняв во внимание, что с заявлением Общество обратилось за пределами установленного процессуальным законом шестимесячного срока, при этом ходатайство о его восстановлении не представило, что свидетельствует об уважительности причин пропуска, суды правомерно отказали в его удовлетворении.

Вывод суда округа о необходимости рассмотрения заявления в этой части в порядке, установленном в статьях 71 и 100 Закона о банкротстве, ошибочен.

При таких обстоятельствах законных оснований для отмены судебных актов первой и апелляционной инстанций у суда округа не имелось.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации постановление суда округа отменено с оставлением в силе определения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции (дело №А 11-2031/2014).

При проведении торгов посредством публичного предложения в рамках Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» победителем признается участник, подавший заявку, отвечающую всем требованиям и включающую в себя цену выше минимальной цены для определенного периода торгов. Прием заявок по истечении указанного периода торгов прекращается.

19.12.2015 конкурсным управляющим Комбината опубликовано сообщение о проведении торгов посредством публичного предложения по продаже 100 процентов доли в уставном капитале Общества.

Торги проведены посредством публичного предложения в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

В соответствии с информационными сообщениями прием заявок осуществлялся в период с 21.12.2015 по 25.03.2016. Начальная цена с 11.03.2016 по 17.03.2016 составила 6 000 000 рублей, с 18.03.2016 – 5 250 000 рублей.

По правилам площадки торговой снижение начальной цены осуществляется с 18.03.2016 в 10.00.

В ценовой период торгов, с 10.00 17.03.2016 по 10.00 18.03.2016, С. 18.03.2016 в 9.59 подал заявку на участие в торгах с ценовым предложением 6 200 000 рублей, которое превышало минимальную сумму реализации имущества, составлявшую в данном периоде 6 000 000 рублей. Заявка С. не отклонена организатором торгов.

В следующий период торгов, проходивший с 10:00 18.03.2016 по 10:00 19.03.2016, Д. 18.03.2016 в 10.01 подал заявку на участие в торгах с ценовым предложением 6 300 000 рублей, которое превышало ценовое предложение С..

По результатам проведенных торгов победителем признан Д., представивший заявку в следующем ценовом периоде проведения торгов, но предложивший наибольшую цену за имущество должника.

Посчитав, что действия организатора торгов по определению победителя не соответствуют нормам Закона о банкротстве, С. обратился в антимонопольный орган с соответствующей жалобой.

Решением антимонопольного органа жалоба С. признана обоснованной. Конкурсному управляющему Общества выдано предписание об отмене протокола подведения итогов торгов и повторном рассмотрении поступивших заявок.

Не согласившись с ненормативными актами антимонопольного органа, Общество обратилось в суд с исковым заявлением.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и суда округа, заявленные требования удовлетворены: оспариваемые решение и предписание антимонопольного органа признаны незаконными.

Удовлетворяя заявленные требования, суды трех инстанций исходили из того, что Закон о банкротстве не устанавливает понятия определенного периода, и не содержит правила о том, что существует окончание срока представления заявок для определенного периода или что с момента снижения начальной цены прием заявок прекращается (приостанавливается), а также о том, что организатором торгов принимаются во внимание только те заявки, которые поступили до начала снижения цены.

Установив, что заявка Д. содержала максимальную предложенную цену, суды сочли, что организатор торгов не нарушил требования действующего законодательства при определении победителя торгов, в связи с чем признали оспариваемые решение и предписание антимонопольного органа незаконными.

Между тем суды не учли следующее.

Шаг снижения начальной цены на стадии публичного предложения и периодичность ее снижения являются существенными элементами порядка и условий реализации имущества должника. Снижение цены реализации на стадии публичного предложения производится в случае отсутствия спроса на имущество должника по текущей цене публичного предложения. Снижение цены происходит поэтапно (поэтапно) до тех пор, пока заинтересованное лицо не представит организатору торгов надлежащим образом оформленную заявку с указанием цены приобретения, равной цене соответствующего этапа публичного предложения либо превышающей ее.

Поскольку заявка С., отвечающая всем требованиям и включающая в себя цену выше минимальной цены для периода торгов с 11.03.2016 по 17.03.2016, была первой и единственной, прием заявок по истечении указанного периода торгов должен был прекратиться, а организатор торгов должен был принять решение об определении победителя, то есть С.

При таких обстоятельствах решение и предписание антимонопольного органа следует признать обоснованными, судебные акты, принятые нижестоящими судами,

подлежат отмене, как принятые с существенным нарушением норм материального права (дело №А 43-10976/2016).

Для предотвращения предъявления необоснованных требований к должнику и, как следствие, нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, должны предъявляться повышенные требования.

Обязательства поклажедателя по оплате услуг хранения являются текущими только за те периоды, которые истекли после возбуждения дела о банкротстве.

01.07.2010 между Обществом-1 (продавец) и Обществом-2 (покупатель) заключены договоры купли-продажи техники, горюче-смазочных материалов, посевов и прочего имущества (крупного рогатого скота).

Соглашениями о расторжении договоров упомянутые договоры купли-продажи расторгнуты в связи с неоплатой товара. Имущество возвращено продавцу.

Общество-3 (хранитель) и Общество-1 (поклажедатель) заключили договоры хранения с обезличением от 01.11.2011. Условиями договора определены предметы хранения (техника различного назначения и крупный рогатый скот), стоимость комплекса услуг по хранению, срок действия договора, а также ответственность сторон.

Во исполнение договора 01.11.2011 стороны подписали акты приема-передачи предметов хранения.

27.06.2012 арбитражным судом принято заявление о банкротстве Общества-1, которое решением того же суда от 24.07.2013 по делу № А38-3624/2012 признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

17.03.2015 Общество-3 и Общество-1 заключили еще один договор хранения имущества последнего.

Неисполнение Обществом-1 обязательства по оплате услуг по хранению послужило основанием для обращения Общества-3 в арбитражный суд с иском о взыскании убытков по указанным договорам. Во встречном иске Общество-1 потребовало взыскать с Общества-3 рыночную стоимость имущества, утраченного по договору хранения от 17.03.2015.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного и окружного судов, первоначальные и встречные исковые требования удовлетворены.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения Общества-1 и Общества-2 в лице конкурсных кредиторов в Экономическую коллегия Верховного Суда Российской Федерации с кассационными жалобами.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Удовлетворяя первоначальный иск, суд первой инстанции принял от представителей сторон заявление о его признании (часть 3 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Доводы Общества-2, оспаривавшего договоры хранения ввиду их мнимости, оценки не получили. Кроме того, заявители полагали, что при доказанности факта хранения задолженность Общества-1 по оплате услуг нельзя отнести к текущим платежам в полном объеме, так как часть услуг по договору хранения оказана до возбуждения дела о банкротстве должника.

Апелляционный суд, оценив договоры хранения и акты приема-передачи, счел их достоверными доказательствами, с достаточностью подтверждающими факт и объем оказания услуг, а также их стоимость. Ввиду отсутствия документов,

подтверждающих оплату услуг, апелляционный суд удовлетворил требование о взыскании задолженности, посчитав обязательства Общества-1 текущими, поскольку по условиям договора хранения поклажедатель обязался оплатить услуги хранения позже той даты, когда было принято заявление о признании ответчика банкротом.

Суд округа согласился с выводами апелляционного суда.

Между тем суды не учли следующего.

Как правило, для подтверждения обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора («дружественного» кредитора) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Соккрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора.

Стороны мнимой сделки могут осуществить для вида ее формальное исполнение (пункт 86 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Для предотвращения необоснованных требований к должнику и, как следствие, нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника – банкрота, предъявляются повышенные требования (пункт 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», пункт 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016)). Это правило актуально и для требований по текущим обязательствам.

Следовательно, во избежание нарушения прав кредиторов Общества-1 все обстоятельства сделок с ним как с банкротом подлежали судебному исследованию, тем более, что на пороки договоров (в том числе на мнимость хранения) указывал как ответчик, так и конкурирующий кредитор – Общество-2.

Таким образом, при проверке заявления о дефектах сделки судам следовало установить, имелось ли у Общества-1 имущество, указанное в договорах хранения, и мог ли ответчик передать его истцу с учетом того, что, по сведениям Общества-2, крупный рогатый скот находился у последнего. Подлежат проверке также доводы о наличии у Общества-3 возможности исполнить обязательства с учетом особенностей хранения крупного рогатого скота, а также об аффилированности Обществ 1 и 3.

Установление внутригрупповых отношений между сторонами сделки и, как следствие, общности хозяйственных интересов участников спорных отношений, о котором заявляло возражающее против требований лицо, позволит дать надлежащую оценку добросовестности действий как кредитора (Общества-3), так и должника (определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45752/2015).

Следует учесть, что конкурирующий кредитор не является стороной сделки, в силу чего объективно ограничен в возможности доказывания необоснованности требования другого кредитора. Поэтому предъявление к конкурирующему кредитору

высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. В данном случае достаточно подтвердить существенность сомнений в наличии долга. Напротив, стороны сделки не лишены возможности представить в суд как прямые, так и косвенные доказательства, опровергающие сомнения в реальности ее исполнения. Поэтому при наличии убедительных доводов и доказательств невозможности хранения бремя доказывания обратного возлагается в данном споре на истца и ответчика.

При доказанности исполнения Обществом-3 договоров хранения следует учесть, что в силу разъяснений, указанных в пункте 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве», обязательства поклажедателя по оплате услуг хранения являются текущими только за те периоды, которые истекли после возбуждения дела о банкротстве. Условия договора об иных сроках оплаты услуг (в том числе по окончании срока хранения) не изменяют этого правила. Таким образом, задолженность, возникшая до 27.06.2012 (при условии доказанности), не может быть отнесена к текущим платежам.

Ввиду того, что для принятия решения по существу спора необходима оценка доказательств и установление обстоятельств, указанных в настоящем определении, судебные акты нижестоящих судов подлежат отмене в части, касающейся удовлетворения первоначального иска, а дело – направлению на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции (дело № А38-1381/2016).